

DOI: 10.31857/S032103910016862-1

ВЗГЛЯДЫ ПОЛИБИЯ НА ТАКТИКУ: ПРОБЛЕМА ТРАДИЦИЙ И ИННОВАЦИЙ

Е. Г. Тейтельбаум

Казанский филиал Всероссийского государственного университета юстиции, Казань, Россия

E-mail: eugteit@yahoo.com

ORCID: 0000-0002-5570-2857

Статья посвящена проблеме соотношения традиций и инноваций во взглядах Полибия на тактику. Оставаясь в целом в рамках традиционного греческого взгляда на тактику, историк привносил туда ряд новых моментов. В своем труде он демонстрировал возросшее значение легкой пехоты, слонов, кавалерии и их взаимодействия с тяжелой пехотой. Полибий считал, что военачальники должны не только заблаговременно выбирать удобную позицию для сражения, но и уметь пользоваться особенностями местности уже в ходе битвы. Подобные взгляды были вызваны реалиями эллинистического времени. В этой ситуации возрастала и роль командиров всех рангов. Успеха достигало то войско, в котором эффективное командование сочеталось с автономными действиями отдельных подразделений. Полибий показывал возможность использования подобных инноваций в эллинистическом мире, но там они еще не вошли в систему и не стали нормой. Римляне же применяли данные новшества наиболее полно и успешно, в результате чего римская армия стала эффективным механизмом, способным одерживать верх над самыми разными противниками.

Ключевые слова: Полибий, эллинизм, историография, военное дело, военная теория, стратегия, тактика, легион, фаланга

POLYBIAN VIEWS ON TACTICS: THE PROBLEM OF TRADITIONS AND INNOVATIONS

Evgeny G. Teytelbaum

Russian State University of Justice, Kazan branch, Kazan, Russia

E-mail: eugteit@yahoo.com

Данные об авторе. Евгений Григорьевич Тейтельбаум — кандидат исторических наук, преподаватель колледжа Казанского филиала ВГУЮ, доцент кафедры теории, истории государства и права и философии Казанского филиала ВГУЮ.

The article is devoted to the problem of traditions and innovations in Polybian views on tactics. Remaining generally within the framework of the traditional Greek view of tactics, the historian introduced a number of new elements. In his work Polybius demonstrated the growing significance of cavalry, elephants and light infantry, and of their coordination with heavy infantry. Polybius believed that the generals must not only choose a favorable position before the battle but also be competent enough to use the favorable terrain depending on the circumstances of the battle. Such views resulted from the realities of the Hellenistic period when importance of military leadership of all ranks increased. The key factor for success was an effective centralized command which was combined with the autonomous actions of individual units and flexibility in their use. The historian clearly showed the understanding and the possibility of using such innovations in the Hellenistic world. At the same time, they did not become the generally accepted norm among the Hellenes. On the contrary, Romans used the above mentioned improvements systematically and methodically. As a result, the Roman army became an effective mechanism capable of defeating different adversaries.

Keywords: Hellenistic Age, historiography, military science, military theory, strategy, tactics, legion, phalanx

На протяжении долгого времени исследователи римского и эллинистического военного дела анализировали прежде всего действия крупных подразделений накануне и во время сражений. Авторы, работавшие в рамках данной парадигмы (Г. Дельбрюк¹, Й. Кромайер и Г. Вейт², П. Коннолли³), традиционно высоко оценивали «Всеобщую историю» Полибия и во многом основывали свои построения и выводы на данных именно этого источника. Вместе с тем в последние годы появились основательные монографии Г. Дэйли⁴ и С. Куна⁵, а также концептуальные статьи Ф. Сэбина⁶ и Дж. Лендона⁷, где была отмечена ограниченность традиционного подхода к военной истории. Авторы этих работ считают, что в военно-исторических исследованиях необходимо учитывать прежде всего психологию рядовых участников битв. При этом их недоверие к прежней методике автоматически перенеслось и на труд Полибия: греческий автор критикуется ими за схематичный подход к тактике и недооценку влияния психологического фактора на исход сражений.

В данной статье, анализируя проблему соотношения традиций и инноваций во взглядах Полибия на тактику, а также обстоятельства, повлиявшие на них, мы планируем показать, что подход ахейского историка к тактике был более сложным и многогранным, чем это принято считать. Мы сосредоточимся на анализе описаний крупных сражений, так как именно в этих фрагментах тактические взгляды Полибия проявились наиболее полно. Во «Всеобщей истории»

¹ Delbrück 1997.

² Kromayer, Veith 1903–1907; 1928.

³ Connolly 2001.

⁴ Daly 2002.

⁵ Koon 2010.

⁶ Sabin 2000.

⁷ Lendon 1999.

относительно подробно описываются 19 значительных битв⁸. Бесспорно, детали этих столкновений довольно сильно различались: в них противостояли друг другу армии с различными вооружением, тактикой, структурой и качеством командования⁹. Тем не менее детальный анализ вышеуказанных проблем позволит сделать ряд обобщающих суждений о взглядах Полибия на тактику.

* * *

На первый взгляд может показаться, что тактические воззрения Полибия не слишком отличались от общепринятых в Греции. Будучи автором несохранившегося труда по тактике (IX. 20. 4)¹⁰, Полибий отводил решающую роль в военном деле искусству боевых построений (Ael. Tact. 3. 4). Примечательно, что в своих теоретических рассуждениях о методике историописания (XII. 25. F 3) Полибий считал, что в повествовании о военных действиях необходимо прежде всего описать развертывание армий накануне и во время сражений. Яркими примерами подобных описаний во «Всеобщей истории» было сравнение легиона с фалангой (XVIII. 28–32), а также освещение историком конкретных битв (I. 33. 10; II. 28. 6; II. 33; IV. 11. 7–9; XII. 17–22; XVI. 18–19). Сильно повлияли на Полибия и господствовавшие в Элладе представления о решающей роли тяжелой пехоты в битвах (Arist. *Pol.* 1297b)¹¹.

Ярко иллюстрирует взгляды автора используемая им терминология. По словам Полибия, в сражениях при Тунете в 255 г.¹² (I. 34. 5), Селласии в 222 г. (II. 68. 9; 69. 8), Каннах в 216 г. (III. 113. 3; 115. 5) и Киноскефалах в 197 г. (XVIII. 24. 8; 25. 2; 26. 2) армии делали ставку прежде всего на массивность строя (βάρος) и густоту рядов (βάθος)¹³ с целью оттеснения неприятеля (ἐνέκειντο – XVIII. 22. 3, πιεζοῦμενοι – II. 69. 8–9; III. 73. 6; 74. 2–3; XVIII. 24. 4). Говоря о сражении при Рафии в 217 г., Полибий отмечает, что схватки продолжались до тех пор, пока обе стороны были способны выдерживать натиск неприятеля (ἀντέστησαν – V. 85. 10). Весьма характерно, что при описании сражения у Киноскефал Полибий образно

⁸ Их перечень см. в Приложении. Об обстоятельствах сражений того периода (продолжительность, соотношение потерь, роль разных родов войск и т.д.) и факторах, влиявших на их результат, см. Sabin 1996; 2008.

⁹ Среди них – римская, карфагенская, армии эллинистических государств и различных «варваров», прежде всего кельтов и иберов.

¹⁰ Об этом труде см. Samokhina 2007.

¹¹ О столкновениях тяжеловооруженных воинов в древней Греции см. Anderson 1970, 111–164; Pritchett 1972, 44–76; Hanson 1989, 35–197; van Wees 2005, 184–199.

¹² Все даты, если не указано иное, – до н.э.

¹³ В двух из 19 сражений неспособность одной из сторон построиться автоматически привела ее к поражению – в случае с карфагенянами в битве при Утике в 203 г. (XIV. 2.1–5.15) и в сражении при Бекуле в 208 г. (X. 39. 5), когда карфагеняне не успели выстроиться к бою (παρὰ τὴν προσδοκίαν καθυστέρει τῆς ἐκτάξεως) и в результате их ряды были расстроены (X. 39. 7). Тит Ливий (XXVII. 18) помимо неготовности карфагенян к сражению объясняет победу римлян при Бекуле их психологическим превосходством и умением действовать на пересеченной местности. Скорее всего пассивность карфагенян была вызвана их нежеланием вступать в битву в данной конкретной ситуации (Seibert 1993, 371).

сравнивает боевое построение с весовой гирей (βαρέως ἐπέκειντο — XVIII. 24. 5). Полибий подчеркивал, что именно потеря строя (προδιαλελυκότες — XI. 16. 2; IV. 12. 3), случившаяся в сражениях при Кафиях в 220 г. и Мантинее в 208 г., или его смятие (κατεβαροῦντο — XVIII. 21. 4; 8), произошедшее в сражении при Киноскефалах, приводит к отступлению одной из сторон. Не случайно именно расстройство неприятельских рядов (συνταράξαι καὶ διασπάσαι τὰς τάξεις τῶν ὑπεναντίων) было главной целью Ганнибала в сражении при Заме в 202 г. (XV. 16. 3–6)¹⁴.

Среди других факторов, влиявших на исход битвы, историк отмечал физическое изнурение (κακοπαθούντων) и падение сил (κλινούσας καὶ διατετραμμένας) сражающихся, произошедшее, например, в битвах при Треббии и Мантинее (III. 73. 3; XI. 16. 2–3).

При этом в ряде аспектов взгляды Полибия на тактику отличались от тех, которые господствовали в классической Греции. Значительно более активную и деятельную роль в битвах играют легковооруженные пехотинцы¹⁵. Интересно, что Полибий в общем приводит мало данных о прямом ущербе от применения метательного оружия: только в одном из описанных историком сражений — в битве у Теламона в 225 г.¹⁶ — дротики римских пехотинцев¹⁷ действительно нанесли большие потери неприятелю¹⁸ (II. 30. 3). Несмотря на это, легкая пехота серьезно затрудняла и сковывала действия неприятеля в ходе битвы при Илипе в 208 г. (XI. 22. 3) и Треббии (III. 74. 2). Даже потенциальная угроза действий со стороны вражеских легковооруженных воинов могла отразиться на ходе и исходе сражения. Полибий отмечал, что именно из-за страха окружения со стороны легкой пехоты неприятеля спартанский царь Клеомен III в неблагоприятных обстоятельствах ввел в бой фалангу и в итоге потерпел сокрушительное поражение при Селласии (II. 67. 1–69. 3).

¹⁴ Неудача подобного плана была вызвана тем, что карфагенский военачальник лишь недавно вернулся в Африку из Италии и не сумел наладить взаимодействие с большей частью своей армии (за исключением ветеранов, с которыми он воевал вместе много лет) (Seibert 1993, 467–469).

¹⁵ В классический период их функция сводилась скорее к прикрытию развертываний перед битвами (Anderson 1970, 42; Pritchett 1972, 51–53; van Wees 2005, 64).

¹⁶ Даже в этой ситуации эффективность обстрела римскими дротиками объяснялась лишь полным отсутствием доспехов у кельтов.

¹⁷ Подобные взгляды Полибия на значение метательного оружия подтверждаются выводами современных исследователей, согласно которым сам по себе обстрел дротиками не имел значения и прямой урон от действий легковооруженных был несущественен: Daly 2002, 170–178; Sabin 2008, 414; Koon 2010, 54.

¹⁸ Нам представляется, что реальные потери от метательного оружия несколько занижались Полибием. Так, например, во «Всеобщей истории» не упоминаются даже достаточно известные случаи ранений Филопемена метательным копьем в битве при Селласии (Plut. *Philop.* 6) и Луция Эмилия Павла (Liv. XXII. 49. 1) камнем из пращи в битве при Каннах. Примечательно, что в случае с Луцием Эмилием Павлом Полибий упоминал о его тяжелом ранении (III. 116. 9), но не называл вид оружия, которым оно было нанесено.

Еще большую роль Полибий отводит кавалерии. Он считает, что «для победы в битве можно иметь в полтора раза меньше пехоты, но решительно превосходить неприятеля числом всадников»¹⁹ (ὅτι κρείττον ἐστὶ πρὸς τοὺς τῶν πολέμων καιροὺς ἡμίσεις ἔχειν πεζοὺς, ἱπλοκρατεῖν δὲ τοῖς ὅλοις, μᾶλλον ἢ πάντα πᾶρισα τοῖς πολεμίοις ἔχοντα διακινδυνεύειν²⁰, – III. 117. 6). Действительно, конница играла во многих сражениях если не решающую, то значительную роль.

В битвах при Тунете (I. 34. 7), Баграде²¹ в 240 г. (I. 76. 8) и Треббии (III. 74. 7) конница и слоны нанесли огромные потери римской армии²². В сражении при Киноскефалах храбрость этолийской кавалерии в начале боя спасла римлян от катастрофы²³ (XVIII. 24. 5). Относительно эффективно действовали селевкидские катафракты в битвах при Панионе в 200 г. (Polyb. XVI. 18–19)²⁴ и при

¹⁹ Можно предположить, что при описании подобных акций на Полибия вполне мог повлиять собственный опыт участия в осаде Карфагена, которая, как известно, была очень тяжелой для римлян и сопровождалась рядом внезапных и успешных нападений карфагенской конницы (App. *Lib.* 97; 102), а также вылазок защитников города (124). О роли кавалерии в военном деле того времени см. Gaebel 2002, 230–263; Burgh 2020, 65–80; Nefedkin 2019). Исследователи отмечают, что со времен Александра значение конницы упало (Gaebel 2002, 239), но вместе с тем в период эллинизма растет специализация кавалерии (Nefedkin 2019, 408; Burgh 2020, 65–81). Стоит отметить также общий престиж службы в данном роде войск (Nefedkin 2019, 407).

²⁰ Здесь и далее перевод Ф.Г. Мищенко.

²¹ Более подробно об этом сражении см. Thompson 1986, 111–117. Последние исследования показывают, что Полибий представил действия Гамилькара в несколько приукрашенном виде и главной причиной победы карфагенян был не столько талант их военачальника, сколько низкий уровень подготовки и дисциплины наемников (Noyes 2007, 115–124). Примечательно, что успешные действия слонов в этих сражениях не произвели на историка особого впечатления. То же самое можно сказать и про отмеченную Полибием успешную атаку селевкидских слонов против конницы при Рафии (V. 85. 5). Судя по всему, он считал, что слоны успешно действуют лишь на деморализованную или беспорядочную толпу солдат. Напротив, сплоченные подразделения способны легко отбивать атаки слонов, как это произошло в битве при Заме (XV. 12. 1–6). В то же время современные исследователи отмечают, что слоны были способны к эффективным действиям в самых разных ситуациях, включая атаки против тяжелой пехоты и кавалерии (Abakumov 2012, 76–82; 99–104).

²² Существует точка зрения, согласно которой свою роль в поражении римлян при Тунете сыграла их усталость от долгого перехода к месту сражения (App. *Lib.* 3). Об этом сражении см. также Tirps 2003, 375–385. В битве при Треббии немалое значение в успехе карфагенской элфантерии имел страх лошадей перед слонами (XXI. 54–56). Античные авторы многократно отмечали большое психологическое воздействие, которое слоны оказывали на воюющие армии; см., например, Polyae. VIII. 23. 5; Caes. *Bell. Afr.* 72.

²³ Современные исследования подтверждают высокую боеспособность этолийской кавалерии: Nefedkin 2019, 270–273.

²⁴ Стоит отметить также, что битва при Панионе – это редкий пример действия кавалерии на обоих флангах; обычно же в сражениях кавалерия преследовала вражескую конницу, чтобы она не вернулась к полю боя (Gaebel 2002, 245). Впрочем, детали этого сражения известны лишь из Полибиевой критики произведений других историков, почему многое остается не вполне ясным (Meister 1975, 177–179).

Магнесии в 190 г. (Liv. XXXVII. 42. 7–8)²⁵. Успешные действия ахейской конницы сыграли огромную роль и в битве при Селласии (II. 68. 2)²⁶. Именно атака нумидийских всадников решила исход битвы при Заме (XV. 14)²⁷. Роль кавалерии была значительной даже в тех ситуациях, когда она не наносила непосредственного урона неприятелю. В сражении при Треббии нумидийская конница²⁸ причинила римлянам урон, мешая сражаться с неприятелем (III. 73. 7; 74. 1) и наводя на них замешательство и тревогу (*ταραχὴν καὶ δυσχρηστίαν*)²⁹. Полибий отмечал деморализующее воздействие, которое оказывала на римскую пехоту своими атаками с тыла карфагенская конница в битве при Каннах (III. 116. 8)³⁰.

Полибий оставил также ряд интересных наблюдений относительно общего характера сражений III–II в. до н.э. Так, в повествовании Полибия битвы обычно начинаются со стычек отдельных отрядов (как правило, легковооруженных солдат) и лишь постепенно перерастают в сражение с участием главных сил. В своем описании сражения при Мантинее Полибий отмечал, что «вначале сражались легкие войска по отдельности или массами» (*πάντη δὲ τούτων συμπλοκῆς ἄθροως καὶ κατ' ἄνδρα* – XI. 13. 2). Полибий отмечает маневренный характер таких схваток³¹, в ходе которых, по его словам, отступления сменялись нападением (*ἐξ ἀναστροφῆς καὶ μεταβολῆς ὁ κίνδυνος* – III. 115. 1). Эти столкновения имели важное значение для подъема боевого духа остальных солдат. Полибий рассказывает, что остальные воины смотрели на исход стычки сквозь пыль, колеблясь между страхом и надеждой (*ἀμφηρίστους ἔχουσαι τὰς ὑπὲρ τοῦ μέλλοντος ἐλπίδας* – V. 85. 7). Историк уделял внимание и другим средствам психологической

²⁵ Рассказ Ливия о битве при Магнесии заимствован из Полибия (Bar-Kochva 1976, 165). При этом современные исследователи (Bar-Kochva 1976, 170; Gaebel 2002, 245) подтверждают имеющуюся в источниках информацию о том, что катафракты обратили в бегство один из римских легионов (Iust. XXXVI. 8. 6), хотя использование катафрактных против вражеской пехоты было довольно нетипичным (Nefedkin 2019, 432–435). Из всех эллинистических государств царство Селевкидов обладало наиболее многочисленной и боеспособной конницей (Nefedkin 2019, 348–383).

²⁶ Исследователи, впрочем, считают, будто Полибий преувеличил роль Филопеме-на в этой битве (Delbrück 1997, 185–188; Kromayer, Veith 1903–1907, I, 238; Errington 1969, 22), тем более что кавалерия не играла значительной роли в армии Ахейского союза (Nefedkin 2019, 274–302).

²⁷ Роль конницы была решающей, поскольку римлянам удалось нейтрализовать карфагенских слонов и предотвратить обходной маневр Ганнибала против второй и третьей линий римской пехоты (Gaebel 2002, 274–275).

²⁸ Огромная роль кавалерии в карфагенской армии была вызвана, с одной стороны, возможностью привлекать к службе нумидийцев, а с другой — слабостью пунийской пехоты по сравнению с римской (Gaebel 2002, 268). О тактике нумидийской конницы см. также Diod. XX. 39. 2; Caes. B.C. II. 41; Bell. Afr. 14–15; Sall. Jug. 50. 4–6; 97. 4; App. Hisp. 25; Pun. 11.

²⁹ В сражениях Второй Пунической войны роль конницы, как правило, заключалась в психологическом воздействии на противника и развале его строя (Daly 2002, 175–184).

³⁰ Впрочем, Тит Ливий (XXII. 48. 5) признавал и значительные потери от подобных нападений.

³¹ Современные исследователи (Zhmodikov 2000, 67–78; Sabin 2000, 1–17) приходят к аналогичным выводам.

мотивации солдат — боевому кличу³² (I. 34. 2–3), а также звукам свирелей и труб (II. 29. 6–8). Тяжеловооруженные солдаты вступали в битву лишь на ее завершающем этапе (X. 25).

Имеется еще одно обстоятельство, демонстрирующее внимание Полибия к психологии сражающихся. Говоря о сражениях при Заме и Киноскефалах, он отмечал ту роль, которую в противоборстве сторон играют ярость, стремительность и воодушевление (ὄρη καὶ προθυμία φρονήμασι), а также высокий боевой дух (φιλοτιμία) (XVIII. 22. 4). Существует точка зрения, что в своем повествовании Полибий передавал особенности именно римской тактики³³. Однако Полибий признавал роль таких психологических факторов, как ревность и ожесточение сражающихся (ἐκθύμως... καὶ βίαιος — II. 67. 7; XI. 14. 1), а также ярость и упорство (θύμος... ὄρη καὶ προθυμία — V. 85. 8), и в своих описаниях битв при Селасии и Рафии, в которых участвовали исключительно эллинистические армии.

И все же роль психологического фактора не была решающей. Для Полибия мотивация солдат зависела от умения командиров разных рангов контролировать и вдохновлять своих подчиненных. При этом на боевой настрой воинов мог повлиять сам факт наличия или отсутствия военачальника на месте решающего боевого столкновения. Полибий специально подчеркивал (V. 85. 8), что в битве при Рафии простое появление царя Птолемея IV на месте противоборства фаланг значительно подняло боевой дух его солдат. С другой стороны, отсутствие Антиоха III в той же схватке³⁴ привело к тому, что боевой дух его солдат начал падать (κατεπλήξατο — V. 85. 8). Аналогичным образом в сражениях при Кафиях и Мантинее именно потеря управления со стороны военачальников вызвала у солдат панику (ἐκπλήττοντες — IV. 12. 12) и трусость (ἄποδειλιάσαντες — XI. 15. 2). Стоит отметить еще одно важное обстоятельство: в представлении Полибия большую роль в сражениях играли действия отдельных отрядов. Описывая атаки с фланга и тыла в сражениях Пунических войн (III. 73. 7; 74. 2–5; 84. 2–3; 115. 8–12; X. 39. 4–6; XI. 24. 4–6; XV. 14. 8), историк уделял особое внимание тому эффекту, который оказывали эти маневры на отдельные подразделения³⁵. Самым ярким примером тому были сражения при Тразименском озере в 217 г. (III. 84. 2–3) и при

³² О большой роли боевого клича см. также Caes. *B.C.* III. 92. Интересное наблюдение о преимуществе слаженного боевого клича над разноголосым приводил Тит Ливий (XXX. 34. 1). Современные исследования (Koon 2010, 56; Danilov 2007, 175–176) подтверждают подобные наблюдения.

³³ Koon 2010, 68–72.

³⁴ Данное свидетельство представляется особенно ценным с учетом неприязненного отношения Полибия к Птолемею IV (Bar-Kochva 1976, 128). Антиох III не появился на месте решающего столкновения из-за участия в конной схватке и последующей погоне, целью которой было пленение либо убийство Птолемея, который, по мнению селевкидского царя, мог находиться в тылу своих войск (Bar-Kochva 1976, 137; Gaebel 2002, 241). Весьма обоснованной представляется мысль о том, что Антиох был хорош как кавалерийский командир, но не мог координировать действия разных родов войск (Gaebel 2002, 253–254).

³⁵ Это ярко показывает, что неустойчивость перед атаками с фланга, являющаяся типичной чертой фаланги (Echeverría 2011, 56–58, 68, 75), была присуща и легионам.

Каннах (III. 115. 8–12). По словам Полибия, в битве при Каннах (III. 115. 12)³⁶, не имея более возможности вести сражение по всей линии, римляне в одиночку (κατ' ἑνός) и отдельными манипулами (καὶ κατὰ σφεῖρας) дрались с неприятелями, теснившими их с флангов³⁷. Эффективность же отдельных подразделений зависела от умений их командиров. Полибий подчеркивал, что одним из обстоятельств, приведших римлян к катастрофическому поражению при Тразимене³⁸, наряду с ошибками консула Фламиния, была утрата контроля над солдатами со стороны военных трибунов в результате одновременной атаки карфагенян с тыла и фланга (III. 84. 2–3).

Чем же были вызваны подобные взгляды историка? Нам представляется, что целью Полибия было приспособить традиционные тактические модели к новым историческим условиям. Современные исследователи отмечают, что ополченский характер армий классической Греции затруднял эффективное командование ими³⁹. Именно поэтому военно-теоретическая мысль того периода сосредотачивалась на выборе подходящей местности для битвы, удобной для руководства войсками (Хен. *Суроп.* I. 6. 35–63; Аен. *Tact.* I. 2; XVI. 7–10)⁴⁰. Самым подходящим рельефом для действий фаланги считалась равнина⁴¹. Сражения на пересеченной местности порой случались, но были редким исключением: яркими примерами тому были битва при Немее в 394 г. и при Мантинее в 362 г.⁴²

Отмечаемый современными исследователями рост профессионализма греческих армий в эпоху поздней классики и эллинизма⁴³ привел к тому, что зависимость успеха сражения от рельефа местности значительно снизилась. Известно, что в сражении при Гранике в 334 г. и при Иссе в 333 г. армия Александра Македонского эффективно сражалась на пересеченной местности⁴⁴.

Все это не могло не оказать влияние на тактические взгляды Полибия. Так, в современной литературе⁴⁵ отмечается большое внимание историка к военной

³⁶ В этом сражении римляне оказались неспособны использовать свое численное преимущество и возможность обходного маневра, предпочтя лобовую атаку (Seibert 1993, 196–197). Большую роль сыграл низкий уровень боеспособности и воинского духа римской армии, значительную часть которой составляли новобранцы (Samuels 1990, 7–29).

³⁷ О роли фланговых атак в античном военном деле см. Sabin 1996, 65. По мнению Ф. Сэбина, ни до, ни после Пунических войн в военном деле античности фланговые маневры и операции на окружение неприятеля не использовались так широко.

³⁸ Тит Ливий более снисходительно относился к действиям римских командиров в этом сражении, делая акцент на их храбрости. См. Seibert 1993, 151–156; Connolly 2001, 172.

³⁹ Anderson 1974, 165, 181–191, 211–212, 217–219; Wheeler 1993, 120–170; Konijnendijk 2017, 128.

⁴⁰ Pritchett 1972, 76–80; Konijnendijk 2017, 83.

⁴¹ Konijnendijk 2017, 84.

⁴² Более подробно об этом см. Konijnendijk 2017, 85–86. См. также Pritchett 1972, 76–80.

⁴³ Chaniotis 2005, 131–133.

⁴⁴ Pritchett 1972, 85; Konijnendijk 2017, 77–91.

⁴⁵ Konijnendijk 2017, 86. В связи с этим довольно спорной представляется точка зрения, согласно которой Полибий отводил топографии сражений второстепенную роль (Pease 1931, 143).

топографии. По мнению Полибия (V. 21. 6), большинство сражений было проиграно из-за незнания местности. Вместе с тем подход историка к данной проблеме отличался рядом особенностей. Полибий критиковал военачальников как за неумение найти подходящую местность до сражения, так и за неспособность использовать благоприятный рельеф в ходе самой битвы. Примером подобного рода были действия Евклида в битве при Селласии (II. 68. 3), ахейских стратегов при Кафиях (IV. 11. 1–8), лакедемонян при Мантинее (XI. 16. 7)⁴⁶. Наоборот, активное использование особенностей местности Ксантиппом при Тунете (I. 32. 1–5) или Ганнибалом при Тразимене (III. 83. 1–5) были для Полибия образцом умелого командования.

При обращении к тексту «Всеобщей истории» нельзя не отметить того внимания, которое Полибий уделяет характеру рельефа, где происходили сражения эллинистических армий. Если при Мантинее⁴⁷ фаланги сражались в овраге (τάφρος – XI. 16–17), а при Панионе – у подошвы горы (ὕψωρεία – XVI. 18. 4), то при Селласии фаланги действовали на холмистой возвышенности (λόφος – II. 65. 8)⁴⁸. Проблема сохранения командующими контроля над ситуацией оставалась актуальной и в эллинистический период⁴⁹. Об этом ярко свидетельствуют произведения военных теоретиков – Асклепидота и, с некоторыми оговорками, Онасандра⁵⁰. Оба эти автора признавали сложность успешного управления армией в ходе сражения (Onas. VI. 1–14; Asclep. XII. 10–11). Поэтому для более эффективного контроля над солдатами они предлагали заблаговременно выбрать наиболее подходящее построение (Asclep. XII.1–9; Onas. XXX. 1–XXXI. 2) с учетом местности (Onas. XV. 1) и соотношения родов войск у себя и противника (XVI. 1–XVIII. 1). Другим средством была также мотивация солдат в ходе сражения (XIII. 1–XIV. 4). При этом инициатива командующих отдельных отрядов как таковая не предусматривалась.

Полибий в целом придерживался схожих взглядов на руководство войсками. У него исход сражений при Тунете (I. 33. 1–11), Треббии⁵¹ (III. 71. 1–10), Каннах⁵² (III. 113. 6–8), Кафиях (IV. 11. 1–9) был определен именно эффективным развертыванием войск накануне битвы. Полибий ясно демонстрировал: успех

⁴⁶ Что же касается роли топографии местности в битве при Киноскефалах (XVIII. 22. 9; 25. 6–7), то она не была единственным фактором. Полибий отмечал, что в данном случае свою роль сыграла неподготовленность к бою одного из флангов македонской армии и ошибки его командования.

⁴⁷ О сражении при Мантинее см. Kromayer, Veith 1903–1907, I, 281–314; Walbank 1957–1979, II, 283. Исследователи отмечают явную тенденцию Полибия к затушевыванию ошибок Филопемена в этом сражении.

⁴⁸ О топографии битвы при Селласии см. Kromayer, Veith 1903–1907, I, 210–244.

⁴⁹ Beston 2000, 321; Poznanski 1993, 206–209.

⁵⁰ Труд Онасандра, жившего в I в. н.э., относится уже к Римской империи. Тем не менее Онасандр во многом опирался на эллинистический опыт (Peters 1972, 253).

⁵¹ Боевое построение, использовавшееся Ганнибалом в битве при Треббии, с рядом изменений применялось им и в последующих сражениях (Seibert 1993, 128).

⁵² При этом Полибий не разделял существовавшие в античной традиции (App. Hann. 23; Plut. Fab. 16), но оказавшиеся вымышленными (Seibert 1993, 192) представления о том, что в этом сражении римлянам мешал ветер, который дул им в лицо и ослеплял поднимаемой пылью.

одерживала та армия, командование которой сохраняло управление над своими подразделениями. В то же время нельзя не отметить ряд нюансов у Полибия. Так, он считал, что даже в случае удачного развертывания перед битвой большую роль играют действия командиров отдельных отрядов, примером чему были действия Гасдрубала при Каннах (III. 116. 5)⁵³, Магона при Треббии (III. 74. 1) и Лелия при Бекуле (X. 23. 1–6) и Илипе⁵⁴ (X. 39. 4). Еще больше возрастает значение этого фактора в случае неясного исхода битвы. При этом решающая роль принадлежит инициативе командиров подразделений, координирующих действия со своим главнокомандующим и использующих ошибки вражеских полководцев. В битве при Рафии все решила инициатива Эхекрата (V. 85. 1) и отсутствие Антиоха в решающей схватке. Поражение спартанцев в битве при Мантинее было вызвано тем, что лакедемонский тиран Маханид отправился в погоню за бегущими легковооруженными ахейскими солдатами, вместо того чтобы руководить главными силами своей армии (XI. 16. 3.). Противник Маханида ахейский стратег Филопемён, напротив, эффективно координировал свои действия с командующими отдельных отрядов (XI. 15. 1–5).

Таким образом, во времена Полибия проблема управления отдельными подразделениями продолжала оставаться актуальной как для римлян, так и для греков. Но в чем же заключался секрет римских успехов? Этот вопрос издавна волновал историков, включая самого Полибия. Общеизвестно, что рассказ про римскую армию в VI книге, равно как и сравнение легиона с фалангой в XVIII книге, являются, пожалуй, одними из наиболее знаменитых частей «Всеобщей истории». Впоследствии эти фрагменты труда Полибия стали одними из основных источников по истории римской армии времен Пунических войн и расцвета республики. Именно поэтому данная проблема заслуживает специального рассмотрения.

Во «Всеобщей истории» описываются следующие генеральные сражения между римлянами и эллинистическими армиями — Киноскефалы, Фермопилы (191 г.)⁵⁵, Магнесия и Пидна (168 г.). Стоит сразу отметить, что широко распространенные представления о подавляющем тактическом превосходстве легиона над фалангой «вообще» как о главной причине римских побед в этих сражениях не подтверждаются конкретными фактами. В реальности каждое из этих столкновений сопровождалось серьезными временными неудачами римлян. В битве при Пидне отдельные подразделения римлян отступали, а при Киноскефалах обращались в бегство под натиском фаланги. В сражении при Магнесии часть римских солдат обратилась в бегство под натиском катафрактов (Liv. XXXVII. 42. 7–8). В битве при Фермопилах

⁵³ По мнению Г. Дельбрюка (Delbrück 1997, 236), Гасдрубал выполнял указание Ганнибала.

⁵⁴ Примечательно, что действия Лелия при Илипе тщательно координировались с главнокомандующим армией и были частью единого тактического плана по окружению неприятеля (Seibert 1993, 395–396).

⁵⁵ Как уже отмечалось нами раньше, описание битвы при Магнесии взято Титом Ливием из несохранившихся фрагментов труда Полибия. Описание битв при Фермопилах также заимствовано Титом Ливием из Полибия (Briscoe 1981, 241). Насчет заимствования описания сражения при Пидне Плутархом у Полибия см. Walbank 1957–1979, III, 378; Reiter 1988, 94.

численно превосходящая римская армия некоторое время безуспешно атаковала селевкидскую фалангу (XXXVI. 18). Особенно критическим было положение римской армии в начале сражения при Киноскефалах. Один из флангов римской армии был разбит македонянами, и лишь действия этолийской кавалерии выправили положение (XVIII. 22. 4)⁵⁶, а инициатива неизвестного римского трибуна решила исход сражения⁵⁷. Сам Полибий при описании этой битвы всячески подчеркивал, что македонская армия была не готова к бою и ее подразделения вступали в сражение разрозненно (XVIII. 24. 4–8), но даже в этой ситуации македоняне были близки к победе. В связи с этим стоит отметить: выводы Полибия о превосходстве легиона над фалангой, сделанные на основании исхода битвы при Киноскефалах (XVIII. 28–32), представляются нам достаточно спорными и опираются не столько на конкретные факты, сколько на традиционные греческие представления о тактике, согласно которым победу обеспечивает более эффективное боевое построение.

Тем не менее римляне одержали победы во всех этих битвах. Сложно отрицать и тот факт, что, несмотря на отдельные неудачи в ходе сражений, легионы в целом действовали более эффективно. В чем же была причина их успехов?

Долгое время было принято объяснять успехи римской армии ее дисциплиной⁵⁸. Вместе с тем есть немало данных о высокой дисциплинированности и македонской армии. По мнению Полибия, македоняне являлись великолепными солдатами: «Бесстрашные в сухопутных открытых битвах, македоняне, когда того требуют обстоятельства, с не меньшей готовностью несут службу на море, с величайшим прилежанием копают каналы, роют окопы, исполняют и все другие тяжелые работы» (πρός τε γάρ τοὺς ἐν γῇ κινδύνους ἐκ παρατάξεως γενναῖοτάτοι πρός τε τὰς κατὰ θάλατταν ἐκ τοῦ καιροῦ χρείας ἐτοιμώτατοι, λειτουργοὶ γέ μιν περὶ τὰς ταφρεῖας καὶ χαρακολοίᾱς καὶ πᾶσαν τὴν τοιαύτην ταλαιπωρίαν φιλοπονῶτατοί τινες — V. 2. 5–6). Полибий характеризовал македонских солдат словами Гесиода про Эакидов: «Они радуются войне, как пиршеству» — πολέμῳ κεχαρηότας ἢ ὅτε δαίτῃ (V. 2. 5–6). Им свойственно ограждать свои стоянки рвами и окопами (V. 3. 5–6; Liv. XXXI. 34. 7–8; 39. 8–9; XXXII. 5. 11–12)⁵⁹. О систематических мерах по поддержанию дисциплины в македонской армии говорит знаменитый Амфипольский военный устав, содержащий детальный список наказаний за нарушение дисциплины, существовавших в македонской армии⁶⁰. Показателем дисциплины в македонской армии

⁵⁶ В связи с этим несколько преувеличенной представляется точка зрения (Eckstein 1995, 183–192), согласно которой действия Тита Фламинина при Киноскефалах были образцом военного командования. О сражении при Киноскефалах см. также Hammond 1988, 60–82. Автор статьи отмечает хаотичный характер этого сражения и ограниченную роль Фламинина в успехе римлян.

⁵⁷ Его имя не сообщает даже официальный римский историк Тит Ливий (XXXIII. 9. 8). В связи с этим существует точка зрения, что в реальности инициатором этой атаки был сам Тит Фламинин (Pfleischthofer 2005, 105; Kromayer, Veith 1903–1907, II, 84.; *contra*: Hammond 1988, 76).

⁵⁸ Типичные примеры подобных взглядов: Delbrück 1997, 215–217; Kromayer, Veith 1928, 1; Connolly 2001, 127.

⁵⁹ Данные фрагменты заимствованы Титом Ливием у Полибия (Briscoe 1973, 115).

⁶⁰ Более подробно см. об этом Hatzopoulos 2001, 141–145; 161–164; Juhel 2002, 401–412.

является тот факт, что, даже разбежавшись после неудачного столкновения на реке Аой в 198 г., уже на следующий день все воины, за исключением погибших в битве, собрались, как будто им подали сигнал (Liv. XXXII. 12. 9)⁶¹.

Нам представляется, что причиной римских побед была бо́льшая, нежели у эллинистических армий, эффективность и гибкость на уровне отдельных подразделений. Полибий сам отмечал умение римского войска в зависимости от обстоятельств эффективно действовать как в едином строю, так и отдельными отрядами (XV. 15. 7–8); именно это, по мнению Полибия, отличает легион от фаланги (XVIII. 32. 10–12)⁶². Действительно, в сражениях при Пидне и Киноскефалах именно маневры отдельных подразделений смогли переломить инициативу в пользу римлян. В битве при Пидне заметна координация действий между Эмилием Павлом и его младшими военачальниками и отсутствие таковой в македонской армии (Plut. *Aem.* 19–20)⁶³.

Подобные обстоятельства не стоит абсолютизировать. Полибий ясно показывает, что и фаланга, в принципе, способна действовать отдельными подразделениями. Говоря о тренировках армии Ахейского союза под руководством Филопемена, он отмечает особое внимание, уделяемое искусству командиров отдельных отрядов (τῶν κατὰ μέρος ἡγεμόνων ἐμπειρίας – X. 23. 9). Данные «Всеобщей истории» показывают, что именно эти меры способствовали последующим победам ахейской армии (самая известная из которых – битва при Мантинее). В этом сражении эффективное взаимодействие командиров разных рангов позволяло переломить ход столкновения даже после первых неудач. На несколько частей была разделена и селевкидская фаланга в битве при Магнесии⁶⁴. Но если в эллинистических армиях все зависело от умения конкретного командира, то для римлян подобное ведение сражений носило характер устоявшейся и отработанной системы, сводившей к минимуму роль неблагоприятных случайностей.

Современные исследования отчасти подтверждают подобное восприятие Полибием римской тактики. Долговременный бой в плотных построениях требовал огромной психологической и физической нагрузки⁶⁵, и потому сражения с участием римской армии на протяжении большей части времени представляли собой столкновения отдельных отрядов⁶⁶. Атаки с участием всего войска следовали лишь на заключающей стадии сражения. Исход битвы в таких ситуациях решали атаки мелких подразделений⁶⁷, в чем римская армия имела существенное преимущество⁶⁸.

⁶¹ О заимствовании данного эпизода из Полибия см. Eckstein 1995, 172.

⁶² О римской тактике этого времени см. Konolly 2002, 129–142.

⁶³ Данный эпизод заимствован Плутархом из несохранившихся частей труда Полибия (Reiter 1988, 96). Существует точка зрения, что подобные действия были заранее спланированы римским военачальником (Morelli 2021, 124–125). Но даже в этом случае успех не был бы возможен без умелых действий командиров отдельных отрядов.

⁶⁴ Впрочем, в условиях равнинной местности, на которой проходило это сражение, действие фаланги в ее стандартном построении могло быть гораздо более эффективным (Bar-Kochva 1976, 172).

⁶⁵ Sabin 2000, 12.

⁶⁶ Koon 2010, 93.

⁶⁷ Koon 2010, 97.

⁶⁸ Sabin 2000, 16.

Однако причина подобного преимущества римлян трактуется исследователями иначе. Дж. Лендон объяснял римские успехи присущим римской армии особым наступательным духом, обеспечивавшим ей превосходство над противниками⁶⁹. Полибий, наоборот, говорит о деморализации римлян в начале сражения (Liv. XXXII. 14. 3; XXXVII. 19. 2⁷⁰; Plut. *Aem.* 24). Это показывает, что представления об изначально более высоком боевом духе римлян являются, как минимум, преувеличенными. Исходя из сообщений Полибия, причины римских успехов следует искать прежде всего в особенностях римского подхода к тактической подготовке и, главное, к действиям отдельных подразделений. Говоря о роли, которая отводилась центурионам, Полибий указывает на особое внимание, уделяемое римлянами подбору начальников отдельных отрядов, причем принципиальными здесь являются не столько сила и отвага, сколько умение командовать, а также стойкость и душевная твердость (οὐχ οὕτως θρασεῖς καὶ φιλοκινδύνους ὥς ἡγεμονικοὺς καὶ στασίμους καὶ βαθεῖς μᾶλλον ταῖς ψυχαῖς — VI. 24. 9). Стоит отметить, что довольно схожим образом роль римских центурионов описывал в своем труде Вегеций (II. 14), отражавший типичные римские взгляды (пусть и более позднего времени) на все вопросы, связанные с военным делом⁷¹.

Помимо этого, в своем рассказе о римской армии Полибий подчеркивает, что вся система поощрений была направлена, с одной стороны, на стимулирование доблести воинов, а с другой — на развитие в них взаимовыручки⁷². В случае подвига консул всячески прославлял воинов (VI. 39. 1). Богатые награды вручались и тем, кто спас своих товарищей во время сражения. После завершения битвы спасенный был обязан оказывать своему спасителю почет на протяжении всей жизни. Одной из почетнейших наград в римской армии был золотой венок за спасение товарища. Все это побуждало солдат к соревнованию в воинской доблести. В результате, по словам Полибия, «при столь внимательном и заботливом отношении к наградам и наказаниям неудивительно, что военные предприятия римлян увенчиваются блестящими успехами» (τοιαύτης δ' ἐπιμελείας οὐσης καὶ σπουδῆς περὶ τε τὰς τιμὰς καὶ τιμωρίας τὰς ἐν τοῖς στρατοπέδοις, εἰκότως καὶ τὰ τέλη τῶν πολεμικῶν πράξεων ἐπιτυχῇ καὶ λαμπρὰ γίνεται δι' αὐτῶν — VI. 39. 11).

⁶⁹ Lendon 1999. Ключевая идея данной работы заключается в том, что для римлян важное значение на войне имела доблесть (virtus), которую они считали врожденным качеством, тогда как для греков главным фактором успеха в сражении была хорошая физическая подготовка солдат и тактически грамотное командование. Похожие идеи высказывали ранее Кромайер и Вейт (Kromayer, Veith 1928, 253), противопоставлявшие «солдатский дух» римлян «несолдатскому духу» греков.

⁷⁰ Данный фрагмент труда Тита Ливия заимствован из Полибия (Briscoe 1981, 8).

⁷¹ Kuchma 2001, 121. Современные исследования подчеркивают огромную роль центурионов в римской армии (Gilliver 2007, 187).

⁷² Данная черта была присуща римской армии на протяжении всей ее истории (Makhlayuk 1999). См. также об этом Steele 2019, 171–189. По мнению автора, и римляне, и македоняне отличались высокой мотивацией, но римлян стимулировал еще и дух состязательности, присущий политической системе Римской республики. Он также считает, что сочетание дисциплины и индивидуализма было уникальной чертой именно римской армии.

Таким образом, подобное двойственное видение Полибием тактики армий Рима и эллинистических государств отражает переходный дух того времени. Историк ясно показывал, что военные инновации, заключавшиеся в расчленении боевого порядка на самостоятельно действующие подразделения и активном использовании особенностей местности, практиковались и в эллинистических армиях. Однако у эллинов данные нововведения еще не вошли в систему и не стали общепринятой и стандартной нормой. В римской же армии, наоборот, эти тенденции получили наиболее полное развитие. Привнесение подобных изменений в тактику позволяло им сохранять контроль над армией, поддерживать высокую мотивацию, оперативно реагировать на изменения ситуации и в большинстве битв добиваться успеха даже после первоначальных неудач.

* * *

В нашем исследовании мы рассмотрели проблему соотношения традиций и инноваций во взглядах Полибия на тактику. Итоговый вывод видится следующим: сохраняя в целом традиционные греческие взгляды на тактику, Полибий все же приносил ряд новшеств. В своем труде он демонстрировал возросшее значение легкой пехоты, слонов, кавалерии и важность их взаимодействия с тяжелой пехотой. Отличались и взгляды Полибия на топографию места битвы. Историк полагал, что военачальники должны не только заблаговременно выбирать удобную позицию для сражения, но и уметь использовать особенности местности уже в ходе битвы в зависимости от возникающих ситуаций. Подобные взгляды были вызваны реалиями того времени, когда профессионализация армий привела к изменениям в тактике. Возросла и роль командиров всех рангов, начиная от военачальников и кончая командующими отдельными подразделениями. Успех ждал ту армию, в которой эффективное централизованное командование сочеталось с возможностью автономных действий отдельных подразделений. Полибий показал, что именно римская армия наиболее полно и успешно применяла данные нововведения, что позволяло ей одерживать верх над самыми разными противниками и в конечном итоге подчинить себе все Средиземноморье.

Приложение

СПИСОК СУХОПУТНЫХ БИТВ, ОПИСАННЫХ ПОЛИБИЕМ (в хронологическом порядке)

№ п/п	Событие	Событийный контекст и дата	Источник	Итог
1	Битва при Тунете	Первая Пуническая война, 255 г.	Polyb. I. 33. 1–34. 12	Победа карфагенян над римлянами
2	Битва при Баграде	Наемническая война, 240 г.	Polyb. I. 75. 4–76. 10	Победа карфагенян над восставшими наемниками
3	Битва при Теламоне	Войны римлян с галлами в Северной Италии, 225 г.	Polyb. II. 27. 4–31. 1	Победа римлян над кельтами
4	Битва при Селласии	Клеоменова война, 222 г.	Polyb. II. 66. 4–69. 11	Победа македонян и ахейцев над спартанцами

№ п/п	Событие	Событийный контекст и дата	Источник	Итог
5	Битва при Кафиях	Союзническая война, 220 г.	Polyb. IV. 11. 1–12. 13	Победа этолийцев над ахейцами
6	Битва при Треббии	Вторая Пуническая война, 218 г.	Polyb. III. 71. 1–74. 10	Победа карфагенян над римлянами
7	Битва при Тразимене	Вторая Пуническая война, 217 г.	Polyb. III. 80. 3–84. 15	Победа карфагенян над римлянами
8	Битва при Рафии	Четвертая Сирийская война, 217 г.	Polyb. V. 82. 1–86. 7	Победа птолемеевской армии над селевкидской
9	Битва при Каннах	Вторая Пуническая война, 216 г.	Polyb. III. 113. 1–117. 12	Победа карфагенян над римлянами
10	Битва при Бекуле	Вторая Пуническая война, 208 г.	Polyb. X. 38. 7–39. 9	Победа римлян над карфагенянами
11	Битва при Мантинее	Война Спарты и Ахейского союза, 208 г.	Polyb. XI. 11. 1–18. 10	Победа ахейцев над спартанцами
12	Битва при Илипе	Вторая Пуническая война, 206 г.	Polyb. XI. 20. 1–24. 9	Победа римлян над карфагенянами
13	Битва при Утике	Вторая Пуническая война, 203 г.	Polyb. XIV. 2. 1–5. 15	Победа римлян над карфагенянами
14	Битва при Заме	Вторая Пуническая война, 202 г.	Polyb. XV. 9. 2–16. 6	Победа римлян над карфагенянами
15	Битва при Панионе	Пятая Сирийская война, 200 г.	Polyb. XVI. 18–19	Победа селевкидской армии над птолемеевской
16	Битва при Киноскефалах	Вторая Македонская война, 197 г.	Polyb. XVIII. 21. 2–26. 12	Победа римлян над македонянами
17	Битва при Фермопилах	Сирийская война, 191 г.	Liv. XXXVI. 18–19	Победа римлян над селевкидской армией
18	Битва при Магнесии	Сирийская война, 190 г.	Liv. XXXVII. 39–44	Победа римлян над селевкидской армией
19	Битва при Пидне	Третья Македонская война, 168 г.	Plut. Aem. 17–22	Победа римлян над македонянами

Литература/References

- Abakumov, A.A. 2012: *Boevye slony v istorii ellinisticheskogo mira* [The Elephantry in Hellenistic Warfare]. Moscow.
- Абакумов, А.А. *Боевые слоны в истории эллинистического мира*. М.
- Anderson, J.K. 1970: *Military Theory and Practice in the Age of Xenophon*. Berkeley—Los Angeles—London.
- Bar-Kochva, B. 1976: *The Seleucid Army: Organization and Tactics in the Great Campaigns*. Cambridge.
- Beston, P. 2000: Hellenistic military leadership. In: H. van Wees (ed.), *War and Violence in Ancient Greece*. London, 315–335.
- Briscoe, J. 1973: *A Commentary on Livy. Books XXXI–XXXIII*. Oxford.
- Briscoe, J. 1981: *A Commentary on Livy. Books XXXIV–XXXVII*. Oxford.
- Burgh, G.R. 2020: Greek cavalry in the Hellenistic world: a review and reappraisal. In: L.L. Brice (ed.), *New Approaches to Greek and Roman Warfare*. Hoboken, 65–80.
- Chaniotis, A. 2005: *War in the Hellenistic World: A Social and Cultural History*. Oxford.
- Connolly, P. 2001: *Gretsiya i Rim: evolutsiya voennoy istorii* [Greece and Rome. Evolution of Military History]. М.
- Коннолли, П. *Греция и Рим. Эволюция военной истории*. Пер. с англ. С. Лопуховой, А. Хромовой. М.

- Daly, G. 2002: *Cannae*. London.
- Danilov, E.S. 2007: [Ancient battle cry: Historical-psychological excursus]. *Yaroslavskiy psikhologicheskii vestnik* [Psychological Journal of Yaroslavl] 22, 175–176.
- Данилов, Е.С. Боевой клич древности: историко-психологический экскурс. *Ярославский психологический вестник* 22, 175–176.
- Delbrück, H. 1997. *Istoriya voennogo iskusstva v ramkakh politicheskoy istorii*. T.I. *Antichnyy mir* [History of Warfare in the Context of Political History. Vol. I. Ancient World]. Saint Petersburg.
- Дельбрюк, Г. *История военного искусства в рамках политической истории*. Т. I. *Античный мир*. СПб.
- Errington, R.M. 1969: *Philopoemen*. Oxford.
- Echeverría, F. 2011: *Taktikē technē* – the neglected element in classical ‘Hoplite’ battles. *Ancient Society* 41, 45–82.
- Eckstein, A.M. 1995: *Moral Visions in the Histories of Polybius*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Gaebel, R. 2002: *Cavalry Operations in the Ancient Greek World*. Norman.
- Gilliver, K. 2007: Augustan reform and the structure of Roman army. In: P. Erdkamp (ed.), *A Companion to the Roman Army*. Oxford, 181–200.
- Hammond, N.G.L. 1988: The campaign and the battle of Cynoscephalae in 197 BC. *Journal of Hellenic Studies* 108, 60–82.
- Hanson, V.D. 1989: *The Western Way of War: Infantry Battle in Classical Greece*. New York.
- Hatzopoulos, M.B. 2001: *L'organisation de l'armée macédonienne sous les Antigonides. Problèmes anciens et documents nouveaux*. Athenes.
- Hoyos, B.D. 2007: *Truceless War. Carthage's Fight for Survival, 241–237 BC*. Leiden.
- Juhel, P. 2002: ‘On orderliness with respect to the prizes of war’: the Amphipolis regulation and the management of booty in the army of the last Antigonids. *Annual of the British School at Athens* 97, 401–412.
- Konijnendijk, R. 2017: *Classical Greek Tactics: A Cultural History*. Leiden, 2017.
- Koon, S. 2010: *Infantry Combat in Livy's Battle Narratives*. Oxford.
- Kromayer, J., Veith, G. 1903–1907: *Antike Schlachtfelder. Bausteine zu einer antiken Kriegsgeschichte*. Bd. I–II. Berlin.
- Kromayer, J., Veith, G. 1928: *Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer*. München.
- Kuchma, V.V. 2001: [Epitoma rei militaris of Vegetius as an example of synthesis of ancient military theory]. In: V.V. Kuchma (ed.), *Voennaya organizatsiya Vizantiyskoy imperii* [Military Organization of the Byzantine Empire]. Saint Petersburg, 118–139.
- Кучма, В.В. «Краткое изложение военного дела» Вегеция как синтез военно-теоретической мысли античности. В кн.: В.В. Кучма (ред.), *Военная организация Византийской империи*. СПб., 118–139.
- Lendon, J.E. 1999: The rhetoric of combat: Greek military theory and Roman culture in Julius Caesar's battle descriptions. *Classical Antiquity* 18, 273–329.
- Makhlayuk, A.V. 1999. [“A contest in bravery” within the context of Roman military traditions]. In: A.V. Makhlayuk (ed.), *Iz istorii antichnogo obschestva. Mezhdvuzovskiy sbornik*. Vyp. 6 [From the History of Ancient Society. Inter-University Collection of Scientific Works. Issue 6]. Nizhny Novgorod, 64–81.
- Махлаюк, А.В. «Состязание в доблести» в контексте римских военных традиций. В сб.: А.В. Махлаюк (ред.), *Из истории античного общества. Межвузовский сборник*. Вып. 6. Нижний Новгород, 64–81.
- Meister, K. 1975: *Historische Kritik bei Polybios*. Wiesbaden.
- Morelli, D. 2021: La battaglia di Pidna. Aspetti topografici e strategici. *Klio* 103/1, 97–132.
- Nefedkin, A.K. 2019: *Konnitsa epochi ellinizma* [Hellenistic Cavalry]. Saint Petersburg.
- Нефедкин, А.К. *Конница эпохи эллинизма*. СПб.
- Pease, S. 1931: *The Techniques of Battle Descriptions in the Greek Historians*. Chicago.
- Peters, W. 1972: *Untersuchungen zu Onasander*. Bonn.
- Pfeilschifter, R. 2005: *Titus Quinctius Flamininus. Untersuchungen zur römischen Griechenlandpolitik*. Göttingen.
- Poznanski, L. 1993: Commander, contrôler, communiquer: Polybe, de la tradition à la modernité. *Les Études classiques* XLI/3, 205–220.
- Pritchett, K.W. 1972: *The Greek City-State at War*. Vol. II. Berkeley–Los Angeles–London.

-
- Reiter, W. 1988: *Aemilius Paulus. Conqueror of Greece*. London.
- Sabin, P. 1996: The mechanics of battle in Second Punic War. In: P. Sabin (ed.), *Second Punic War. A Reappraisal*. (Bulletin of the Institute of Classical Studies. Supplement, 67). London, 59–79.
- Sabin, P. 2000: The face of Roman battle. *Journal of Roman Studies* 90, 1–17.
- Sabin, P. 2008: Battle. In: P. Sabin, H. van Wees, M. Whitby (eds.), *Cambridge History of Greek and Roman Warfare*. Vol. I. *Greece, The Hellenistic World and the Rise of Rome*. Cambridge, 399–460.
- Samokhina, G.S. 2007: [Polybian “Tactics” and Greek-Roman literature on warfare]. *Antiquitas aeterna* 2, 305–324.
- Самохина, Г.С. «Тактика» Полибия и греко-римская литература по военному искусству. *Antiquitas aeterna* 2, 305–324.
- Samuels, M. 1990: The reality of Cannae. *Militärgeschichte Mitteilungen* 47/1, 7–31.
- Seibert, J. 1993: *Hannibal*. Darmstadt.
- Steele, B. 2019: *Killing for the Republic: Citizen-Soldiers and the Roman Way of War*. Baltimore.
- Thompson, H. 1986: The battle of the Bagradas. *Hermes* 114/1, 111–117.
- Tipps, G. 2003: The defeat of Regulus. *Classical World* 96/4, 375–385.
- Van Wees, H. 2005: *Greek Warfare: Myths and Realities*. London.
- Walbank, F.W. 1957–1979: *A Historical Commentary on Polybius*. Vol. I–III. Oxford.
- Wheeler, E. 1993: The general as a hoplite. In: V.D. Hanson (ed.), *Hoplites: The Classical Greek Battle Experience*. London, 121–170.
- Zhmodikov, A. 2000: Roman republican heavy infantrymen in battle (IV–II centuries B.C.). *Historia* 49/1, 67–78.